

14 сентября 1636 г.—7 августа 1637 г. Воевода ин. Федор Семенович Куракин; дяк Григорий Лукин. ЦГАДА, ф. 1209, № 17765, л. 520—570.

16 октября 1637 г.—31 августа 1638 г. Воевода кн. Федор Семенович Куракин; дяки Григорий Лукин, Яков Бутризов (с 25 января 1638 г.). ЦГАДА, ф. 1209, № 17765, л. 571—620 об.

3 ноября 1638 г.—16 июня 1639 г. Воевода ин. Федор Семенович Куракин, кн. Михаил Петрович Пронский (с 6 мая 1639 г.); дяки Яков Бутризов, Петр Лутохин (с 24 мая 1639 г.). ЦГАДА, ф. 1209, № 17765, л. 621—645.

7 ноября 1639 г.—16 июля 1640 г. Воевода кн. Михаил Петрович Пронский; дяк Петр Лутохин. ЦГАДА, ф. 1209, № 17765, л. 645—702 об.

3 сентября 1640 г.—31 июля 1641 г. Воевода кн. Михаил Петрович Пронский; дяк Петр Лутохин. ЦГАДА, ф. 1209, № 17765, л. 703—739.

20 сентября 1641 г.—9 февраля 1642 г. Воевода кн. Михаил Петрович Пронский; дяк Петр Лутохин. ЦГАДА, ф. 1209, № 17765, л. 740—780.

22 февраля—18 июля 1642 г. Воевода кн. Василий Петрович Ахамануков-Черкасский; дяк Борис Патрикеев. ЦГАДА, ф. 1209, № 17765, л. 781—810.

Не позднее 9 октября 1642 г.—19 июля 1643 г. Воевода кн. Василий Петрович Ахамануков-Черкасский; дяк Борис Патрикеев. ЦГАДА, ф. 1209, № 17765, л. 811—822, 824—871. Без начала.

10 октября—14 октября 1643 г. Воевода кн. Василий Петрович Ахамануков-Черкасский; дяк Борис Патрикеев. ЦГАДА, ф. 1209, № 17765, л. 872б—875. Без конца.

14 октября 1645 г.—27 августа 1646 г. Воевода кн. Алексей Федорович Лыков; дяк Григорий Углев. ЦГАДА, ф. 1209, № 17279, л. 1—32. Без начала; между л. 3 об. (регистрация 23 октября 1645 г.) и 4 (регистрация 1 декабря 1645 г.) утрачено несколько листов.

1 января—2 июля 1647 г. Воевода кн. Алексей Федорович Лыков, Никифор Сергеевич Собакин (с 9 июня 1647 г.); дяки Григорий Углев, Иван Дмитриев (с 5 апреля 1647 г.). ЦГАДА, ф. 1209, № 17279, л. 33—65 об.

2 сентября 1647 г.—14 августа 1648 г. Воевода Никифор Сергеевич Собакин; дяк Иван Дмитриев. ЦГАДА, ф. 1209, № 17279, л. 66—110 об. Между л. 68 об. (регистрация 2 сентября 1647 г.) и 67 (регистрация 21 сентября 1647 г.) утрачены один или несколько листов.

2 сентября 1648 г.—30 августа 1649 г. Воевода Никифор Сергеевич Собакин; дяк Иван Дмитриев. ЦГАДА, ф. 1209, № 17770, л. 391—434, список.

17 сентября 1649 г.—май 1650 г. Воевода Никифор Сергеевич Собакин; дяки Иван Дмитриев, Иван Степанов (с 7 октября 1649 г.). ЦГАДА, ф. 1209, № 17770, л. 435а—458 об., список.

И. И. ШАКОЛЬСКИЙ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ИЖОРСКОЙ ЗЕМЛИ И КОРЕЛЬСКОГО УЕЗДА XVII в. В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ФИНЛЯНДИИ

В Государственном архиве Финляндии хранятся документы и материалы по истории Ижорской земли и Корельского уезда за XVII в. — за период, когда эти две области, подвевле принадлежавшие Русскому государству, временно находились во владении Швеции. Это собрание документов является самым круп-

ным архивным фондом по внутренней истории России, хранящимся и зарубежном архиве.¹

Фонд этот находится и архиве в Хельсинки с 60-х годов XIX в., когда поступил в данный архив из Швеции в результате дипломатических действий русского правительства. Тем более поразительно, что за последующие полвека, когда Финляндия продолжала быть частью России, никто из русских ученых так и не узнал, что на российской территории, рядом с центром русской науки — Петербургом, имеется огромный архивный фонд, содержащий, в частности, ценнейшие и подробнейшие сведения о предистории той местности, на которой в 1703 г. была основана столица Российского государства.² А ведь для финских и шведских ученых существование этого фонда было, разумеется, известно, и с конца XIX в. книги и статьи, основанные на его материалах,³ стали поступать на полки петербургских библиотек.

Ввиду большой значимости рассматриваемого фонда для изучения социально-экономической истории России XVII в. необходимо дать советским исследователям общее представление⁴ об этом фонде.⁵

¹ После археографической поездки Л. В. Черепнина в Швецию большому известности у советских историков получила фонд погородских документов начала XVII в., хранящийся в Стокгольмском государственном архиве (Черепнин Л. В., Шумилов В. П., Алексеев И. М.). 1) Документы по истории СССР и русско-шведских отношений в архивах Швеции. — Истор. архив, 1959, № 6, с. 117—121; 2) Исторических архивах Швеции. — Вестн. АН СССР, 1959, № 10, с. 83). Существование этого фонда, впервые открытого для русской науки в 1839 г. С. В. Сажинским, было с тех пор известно русским ученым (см.: Шаскольский И. П. Как оказался в Стокгольме погородский архив начала XVII в. — Советские архивы, 1968, № 3, с. 115—117). Погородский фонд Стокгольмского архива насчитывает около 28 тыс. листов рукописей, однако фонд Ингорской земли и Корельского уезда в финляндском архиве почти в 1½ раза больше, он насчитывает более 40 тыс. рукописных листов.

² Лишь самые общие указания об этом фонде великого до его передачи в Швецию и Финляндию стали известны русским ученым (см. 116—117).

³ Pöytäkirja O. A. Kuussa Inkerinmaan oloista Ruotsinvalian aikana. Sortavala, 1890; Tigerstedt K. K. Bihag till Keksholms länns historien under drottning Kristinas tid. 1—9. Åbo, 1877—1880, 1883—1887; и др.

⁴ Краткие сведения о фонде были уже опубликованы: Шаскольский И. П. Материалы по истории России XVI—XVII веков в Государственном архиве Финляндии. — Советские архивы, 1977, № 1 (статья посвящена обзору всех просмотренных автором фондов, краткий очерк о данном фонде — на с. 102—104). — О материалах финляндского архива, особенно о фонде Ингорской земли и Корельского уезда, автор делал сообщения весной 1975 г. в Институте истории СССР (Москва) и в его Ленинградском отделении, а также в Институте языка, литературы и истории в Петрозаводске.

⁵ Сведения о фонде Ингорской земли и Корельского уезда автор настоящей статьи получил от профессора Хельсинкского университета Эрки Кууйо, много лет работавшего над материалами данного фонда и на их основе опубликовавшего серию монографий и статей (Kuusi E. 1) Toka-Karjalain verotus vuoen 1710. Helsinki, 1959; 2) Raja-Karjala Ruotsin vallan aikana. Helsinki, 1963; 3) Inkerin vaiheita keskiajasta 1700-luvun loppuun. — In: Inkerin suomalaisten historiasta. Jyväskylä, 1969, в. 57—96; 4) первая часть манус-

Как сложился этот фонд и каким образом он оказался в Государственном архиве Финляндии?

Ижорская земля (Ингерманландия) и Корельский (Кексгольмский) уезд были завоеваны шведами в 1610—1612 гг.⁶ и по Столбовскому мирному договору 1617 г. официально перешли во владение Шведского государства. Поскольку на завоеванной территории и ранее не было крупных городов, а ко времени иступления в силу условий Столбовского договора не имелись на этой территории городов (кроме Ивангорода) все или почти все население ушло внутрь России,⁷ главным административным центром захваченного края шведскому правительству пришлось сделать Нарву, крупный торговый и портовый город, населенный дружелюбно настроенным к Швеции прибалтийско-немецким бюргерством и стоявший рядом с Ижорской землей, на эстляндском берегу широкой реки Нарвы (противоположный, посточный берег реки уже являлся территорией Ижорской земли).⁸ С 1617 г. в Нарву шведским правительством стал назначаться губернатор Ингерманландии; в 1642 г. было учреждено генерал-губернаторство Ингерманландии, в состав которого был включен и Кексгольмский (Корельский) уезд,⁹ просуществовавшее до начала XVIII в. (до Северной войны). В Нарве была создана губернская (а с 1647 г. — генерал-губернаторская) канцелярия,¹⁰ здесь сосредоточилось делопроизводство обширной губернии, ставшее своей главной задачей учет поступлений государственных повинностей. Поскольку важнейшей целью завоевания Ижорской земли и Корельского уезда было привлечение доходов с захваченных территорий, была быстро налажена очень подробная и детальная документация, учитывавшая на всем обширном пространстве генерал-губернаторства ежегодные доходы каждого крестьянского и по-

---

тальной книги: К у н ј о Е., Р и г а т о Е., С а т к а п е н Ј. Käkisalmen historia. Lahti, 1958; и др.). За указание данного фонда и помощь в ознакомлении с ним автор выражает проф. Э. Кууйо глубокую благодарность. Просмотр материалов Государственного архива Финляндии автор занимался в 1971 и 1975 гг.; автор искренне благодарит дирекцию и работников архива за помощь и проведенных исследований.

⁶ Большая часть этой территории была захвачена в 1611 г., Ортепек оборонился до 1612 г.

⁷ Из Корелы все население (кроме части духовенства) ушло внутрь России по условиям капитуляции города в марте 1611 г.; из Яма, Которья и Оревица в соответствии с условием Столбовского договора почти все население тоже ушло внутрь России в первые две недели после заключения мира. Только в Ивангороде большинство жителей, связанных с морской торговлей, остались жить под шведской властью (S o n А. De ingermanländska städerna och freden i Stolbova 1617. — *Sveo-Estionica*, 1936, в. 39—43).

⁸ Тем самым Нарва была выделена на состав Эстляндии (Эстляндской губернии), к которой принадлежала со времени своего возникновения на рубеже XIII—XIV вв.

⁹ O b l a n d e r С. Bidrag till kännedom om Ingermanlands historia och förvaltning, I. Uppsala, 1898, s. 147—148.

¹⁰ По данным Дландерр, первые сведения о деятельности этой канцелярии относятся к 1622 г. (O b l a n d e r С. Bidrag. . . s. 162).

садского двора.¹¹ В губернаторской канцелярии стал складываться архив, к концу XVII в. приобретший огромные размеры.

В начале Северной войны большую часть архива Ингерманландского генерал-губернаторства шведские власти успели вывезти в Стокгольм,¹² где этот фонд затем хранился в течение полутора столетий.¹³

В 50-х годах XIX в. некоторые сведения об этом архивном фонде просочились и к русским ученым. Академик А. А. Кушник написал письмо неперемещенному секретарю Шведской королевской академии изящных наук, истории и древностей В. Э. Гильдебранду с просьбой сообщить, имеются ли в шведских архивах писцовые книги Изборской земли XVII в. — территории, где стоит столица Российской империи. Гильдебранд ответил Кушнику, что такие писцовые книги в стокгольмском Каммар-архиве (архиве финан-

¹¹ Система документации была заимствована из ранее сложившейся практики самой Швеции и шведских владений в Финляндии и Эстляндии.

¹² Видимо, шведские власти успели вывезти эти архивные материалы в период между черной неудачной осадой русскими войсками Нарвы в 1700 г. и взятием Нарвы в 1704 г., скорее всего в 1703 г., когда русскими войсками была освобождена вся территория Изборской земли до окрестностей Нарвы и стала очевидна неизбежность второй осады этого города.

Нужно отметить, что шведской администрации не удалось в 1704 г. вывезти весь архив Ингерманландского генерал-губернаторства, какая-то часть архива (возможно, подлинки) осталась в Нарве и там хранилась еще более ста лет; в 1823 г. основную массу этих архивных материалов (вместе с другими хранившимися в Нарве ценнейшими архивными фондами более раннего времени) нескромные городские чиновники отсылали на переработку в парижскую бумажную мануфактуру (Мадиссон Ю. В. Источники по истории Швеции и архивах и книгохранилищах г. Тарту. — В кн.: Скандинавский сборник, I. Таллин, 1956, с. 218). От оставшейся после 1704 г. в Нарве части архива Ингерманландского генерал-губернаторства чудом уцелели до наших дней всего 13 дел, составляющих сейчас в Центральном историческом архиве Эстонской ССР отдельный фонд Ингерманландии и Кекевольского уезда (ф. № 632; см. сообщение об этом фонде автор благодарит Х. А. Пийрмиа и Х. Э. Палли).

¹³ Примечательно, что судьба архивного фонда Ингерманландской губернии XVII в. оказалась отличной от судьбы аналогичных фондов Эстляндской и Лифляндской губерний. Архив Эстляндского генерал-губернаторства и часть архива Лифляндского генерал-губернаторства были в 1710 г. также уведены в Швецию. Поскольку по условиям Ништадтского мирного договора (ст. IV) шведские власти обязаны были передать России архивы перешедших под власть Российской империи провинций (Эстляндии, Лифляндии и Ингерманландии), в 1725 г. в Стокгольме были отправлены русские представители для разбора и приема этих архивов; однако шведские власти затянули процесс передачи на 2 года и отдали только фонды Эстляндии и Лифляндии (и то неполностью). Архив Ингерманландии, несмотря на настояния русской стороны, передачу не был, дипломатически переписка по этому вопросу продолжалась до 1731 г. (Л и н о - Д а н и л о в е к и й А. С. Предложение. — В кн.: Сборник документов, касающихся истории Цевы и Писеманца. Пгр., 1916, с. IV—V). Архив Эстляндской губернии XVII в. хранится с тех пор в Тарту, ныне — в ЦГИА Эст. ССР (см.: Мадиссон Ю. В. Источники. . . , с. 217—218), Лифляндской губернии — в Риге, ныне — в ЦГИА Латв. ССР (см.: Е и ш Г. А. Документы по истории Прибалтики шведского периода в архивах Риги. — В кн.: Скандинавский сборник, III, Таллин, 1958, с. 227—239).

сового ведомства) имеются, но сообщил почему-то не о всем огромном фонде, а только о нескольких писцовых книгах за разные годы XVII в.¹⁴ С разрешения шведского министра иностранных дел Гильдебранд по своей инициативе прислал Куника для ознакомления старейшую из писцовых книг Ингерманландии XVII в. — книгу за 1618—1623 гг., за первые годы после Столбовского мира.¹⁵ Под руководством Куника эти книги были скопированы, подготовлены к публикации и изданы Археографической комиссией в двух частях.¹⁶

Археологическая комиссия объявила, что она начинает серийное издание писцовых книг Изгорской земли, но на второй части все дело закончилось (видимо, потому, что Куник был слишком перегружен многими другими публикациями). За 145 лет издания два тома практически еще никто не удосужился изучить. Их только кратко охарактеризовал в небольшой статье С. С. Гадзицкий.¹⁷

Пока готовилось издание черной части публикации, профессор Дерптского университета К. Ширрен побывал в 1860 г. в Стокгольмском архиве и узнал о существовании там целого фонда материалов Ингерманландии и Кексгольмского уезда конца XVI и XVII в. Ширрена эти материалы не интересовали (он искал документы XVI в. о Ливонской войне) и по возвращении он ограничился публикацией самых кратких (в нескольких строках) сведений о данном фонде.¹⁸

¹⁴ П. Э. Гильдебранд сообщил о наличии в стокгольмском Каммар-архиве только четырех писцовых (поземельных) книг: 1) 1618—1623 гг.; 2) 1640 г.; 3) 1640 г.; 4) 1699 г.

¹⁵ О передаче Куника с Гильдебрандом см.: Архив АИ СССР, ф. 133, оп. 1, д. 633, л. 2 (докладная записка Куника в Археографическую комиссию); оп. 1а, д. 9, л. 91 об., 106—108.

¹⁶ Писцовые книги Изгорской земли (*Jordelböcker öfver Ingermanland*). Т. 1. Годы 1618—1623. Отдел I. СПб., 1859; Т. 1, отдел II, СПб., 1862. — Книга 1618—1623 гг. сохранилась не полностью, охватывает только Конорский, Имекский и Ивангородский уезды. В дополнение к ее тексту в состав отдела II был включен скопированный Гильдебрандом для этого издания в Стокгольмском архиве на поземельной книги 1640 г. раздел о Спасском Городенском погосте, включившем будущую территорию Петербурга. В написанном Куником предисловии к отделу I (в I части) была кратко изложена история подготовки издания (это изложение совпадает с текстом упомянутой выше докладной записки А. А. Куника в Археографическую комиссию).

¹⁷ Гадзицкий С. С. Шведские писцовые книги Изгорской земли 1618—1623 гг. — Истор. записки, т. 19, 1946, с. 234—235.

¹⁸ Schirren C. Nachricht von Quellen zur Geschichte Russlands, vornehmlich aus schwedischen Archiven und Bibliotheken. — Bull. de l'Académie Impériale des Sciences, t. II. St.-Petersbourg, 1860, S. 458—459, 498—501. — Ширрен не потрудился установить хотя бы общие размеры фонда и привел неточные сведения — 110 книг (в действительности только для XVII в. фонд состоял из 159 книг). Сведения из статьи Ширрена были пересказаны по изданию ко II отделу публикации «Писцовые книги Изгорской земли» (с. VI). Оба сообщения остались незамеченными русскими учеными. Их не заметил даже С. С. Гадзицкий, единственный за это с лишним лет русский историк, специально занимавшийся изданиями в 1859—1862 гг. «Шведскими писцовыми книгами».

Между тем в судьбах рассматриваемого архивного фонда в 60-х годах XIX в. произошли значительные перемены.

В 1809 г., после завершения последней русско-шведской войны, под власть России перешла Финляндия, и по условиям ст. 12 Фридрихсгамского мирного договора шведское правительство было обязано передать России хранившиеся в шведских архивах архивные фонды, касающиеся Финляндии. Уже в 1810 г. это условие было выполнено: около 8 тыс. архивных дел было передано русским властям.

Поскольку Финляндия с переходом под власть России впервые в своей истории получила автономию (автономия весьма широкая), были созданы автономное правительство Финляндии и самостоятельная административная структура. Для ведения дел пужно было опираться на ранее сложившуюся в стране систему делопроизводства, а для этого автономному правительству Финляндии требовалось иметь в своем распоряжении делопроизводительные материалы предшествующего времени, иметь свой архив. Потому все переданные Швецией архивные дела были сразу отданы русскими властями автономному правительству Финляндии и составили основу финляндского государственного архива.¹⁹

К середине XIX в. архивные фонды, полученные в 1810 г. из Швеции, были разобраны и стало очевидно, что Швеция передала не все материалы, относящиеся к Финляндии, которые должны были быть переданы по условиям Фридрихсгамского договора. Тогда видный финский археограф и историковед Я. Вааранен в 1863 г. обратился в правительственные органы — в финляндский Сенат, к статс-секретарю по делам Финляндии Л. Г. Армфельту и через их посредство к русскому Министерству иностранных дел — и возбудил вопрос о том, чтобы шведское правительство вернуло те архивные материалы, относящиеся к Финляндии, которые еще оставались в Швеции. В 1864 г. русское Министерство иностранных дел направило соответствующее обращение к шведскому правительству, ссылаясь на ст. 12 Фридрихсгамского договора. И осенью 1864 г. вопрос был решен. Шведское правительство передало из состава своего Каммар-архива финляндскому архиву еще 168 томов дел, в их числе архив Ингерманландской губернии и Кексгольмского уезда XVII в. (159 томов из 168).²⁰

¹⁹ Под шведской властью Финляндия не имела постоянной общефинляндской администрации (отдельные губернии Финляндии прямо подчинялись шведскому правительству в Стокгольме), поэтому не сложилось общефинляндского архива; Государственный архив Финляндии был создан только после перехода страны в состав России.

²⁰ Mustelin O. Studier i finländsk historieforskning 1809--1865. Helsingfors, 1957, s. 422—424; Översiktskatalog för Riksarkivet, I. Helsinki, 1958, s. 94—95; были переданы дела, хранившиеся с тех пор в финляндском архиве под № 9641—9799. Кроме того, было передано еще 9 архивных дел разного содержания. Кстати, теперь известно, что в тогда Швеция отдала

В результате финляндский архив приобрел богатейшие материалы, прямо относящиеся к истории России. Правда, сама Ингерманландская губерния (Ижорская земля) никогда не входила в административные границы Финляндии. Но Кексгольмский уезд (лен) после Северной войны в северной части²¹ был включен шведскими властями в состав Финляндии, а вскоре после присоединения Финляндии к России, в 1812 г., в границы автономной Финляндии была включена вся Выборгская губерния вместе с южной частью Кексгольмского уезда. Таким образом, в XIX в. Кексгольмский уезд был частью территории Финляндии и русское правительство было вправе требовать от Швеции передачи его архива. Между тем архивный фонд Ингерманландской губернии и Кексгольмского уезда за XVII в. представлял нераздельное целое; многие поземельные и другие книги охватывали одновременно обе территории,²² поэтому фонд мог быть передан только целиком.

Материалы фонда были отданы Стокгольмским архивом почему-то не за время с момента шведского завоевания Кексгольмского уезда и Ингерманландии, т. е. не с 1611 г., а с 1634 г.²³ Материалы архива Ингерманландии и Кексгольмского уезда до 1634 г. остались в Стокгольме.²⁴

Итак, с 1864 г. в Государственном архиве Финляндии находится основная часть архива Ингерманландии и Кексгольмского уезда с 1634 г. и до начала XVIII в. Еще в XVII или в XVIII в. документы были собраны по годам и переплетены в книги с переплетами из красно-коричневой свиной кожи; в таком виде они

из своих архивов не все фонды, относящиеся к Финляндии, довольно много материалов так и осталось в Стокгольме (например, фонд «Finska samfundet» в шведском Каммар-архиве).

²¹ Южная часть Кексгольмского уезда с 1721 г. отошла к России.

²² На 159 книг архивных материалов Ингерманландии и Кексгольмского уезда, по нашим подсчетам, более 80 книг охватывают (в рамках каждой книги) одновременно обе эти территории.

²³ По-видимому, это было связано с происшедшей в 1634 г. в Шведском государстве реформой местного управления: заменой административного деления государства на фогтства (округа, управляемые фогтами) делением на более крупные единицы — лены (губернии). Архивные материалы ленов, существовавшие в Стокгольме со времени реформы, составили новый архивный фонд, отдельный от фонда прежних территориальных округов — фогтств. В 1864 г. шведская сторона передала, видимо, только материалы, хранившиеся в фонде ленов.

²⁴ Судя по сведениям, опубликованным Н. Альмквистом, до сих пор в Стокгольме в Каммар-архиве (теперь входящий в состав Государственного архива Швеции) хранятся архивные материалы Ингерманландии с 1613 до 1630 г. (имеются ли там материалы за 1631—1633 и за последующие годы, Альмквист не сообщил); см.: *Almqvist I. Den civila lokalförvaltningen i Sverige 1523—1630. III delen.* — In: *Modellönden från Svenska riksarkeivet. Ny följd.* II: 7. Stockholm, 1917—1922, s. 140; там же указаны и архивные шифры; то же, менее точно и без шифров, см.: *Schirgen C. Nachricht von Quellen. . .*, s. 498—501).

и сохранились до наших дней.²⁵ В каждом томе сотни листов, и некоторых — более 2 тыс. листов (см. Приложение). Сейчас фонд состоит из 159 толовых томов, вмещающих огромное количество разнообразных документов. Значение этого фонда для нашей отечественной истории трудно переоценить.

Правда, может быть выдвинуто сомнение: принадлежат ли к истории России архивные материалы двух областей за время их нахождения под шведской властью? Это сомнение нужно решительно отвергнуть и по общим соображениям, и по содержанию конкретных архивных материалов. Смоленская земля, например, дважды — и в XV, и в XVII в. находилась под властью Польско-Литовского государства, однако она продолжала оставаться русской областью, частью России. Так же и Ижорская земля, и Корельский уезд, временно находившиеся в XVII в. и шведской оккупации, продолжали быть русской землей, частью России, там продолжались в основном те же социально-экономические процессы, которые происходили и развивались до начала XVII в.

Эти общие априорные положения подтверждаются при ознакомлении с материалами фонда. После Столбовского мира 1617 г. в Ижорской земле (Интерманландии) и Корельском (Кексгольмском) уезде сохранялось прежнее население — русские, ижорские, водские, карельские крестьяне, все они были православными, носили русские имена. В XVII в. продолжали существовать все те же деревни, русское административное деление (на уезды и погосты), сохранялась русская система сельского управления — старосты,²⁶ русская система обложения — по обрядам, прежняя система земельных мер и т.д.

Оставалось в Ижорской земле и русское феодальное землевладение, главным образом в Конорском уезде.²⁷

²⁵ Кроме перечисленных материалов, целиком состоящих из документации финансового характера (составленной с фискальными целями) и потому находившихся в Камер-архиве (архиве шведского Финансового ведомства), в Государственном архиве Швеции, по сведениям Эландера, имеется фонд «Ingriska», состоящий из документации административного управления Интерманландской губернией; теперь этот фонд входит в состав более обширного фонда «Livonica» (I s b e r g A. Svensk segregationss- och konversionspolitik i Ingermanland 1617—1704. Uppsala, 1973, к. 152—153).

²⁶ Ö h l a n d e r С. Bidrag. . . , s. 159.

²⁷ По данным поземельных книг и актового материала, известны имена русских феодалов, оставшихся после Столбовского мира жить на своих землях под шведской властью. Самым видным из них был боярин Федор Аминин, ивангородский поевод, сдавший в 1612 г. Ивангород шведскому войску; он часто упоминается в документах фонда «Сношения России со Швецией» в ЦГАДА за 1617—1618 гг. как «Федька Аминин», изменивший, перешедший на службу к шведам; семья Амининых сохранила свои крупные земельные владения в Конорском и частично Ямском уездах, потомки Федора Аминина жили в Швеции и Финляндии, от них произошла одна из самых знатных шведских дворянских фамилий — Аминовы (см.: A s i l o f f В. H. Släkten Aminoff. Ekeås, 1978; Svenskt biografiskt lexikon, I. Stockholm, 1918, s. 584—592). В Ямском уезде сохранил свои земли Максим Корповский (124 обж);

Правда, в течение XVII в. в Ингерманландии и Кексгольмском уезде произошли некоторые перемены: часть крестьянского населения (русские, ижорцы, карелы) ушла за рубеж, в последние десятилетия XVII в. на опустевшие земли переселяли финских крестьян; часть земель была роздана шведским и немецким помещикам;²⁸ были введены некоторые повинности по шведскому и немецкому образцам. Но все же основная масса населения, большинство населенных пунктов остались прежними. В основном до самой Северной войны Ижорская земля продолжала быть русским краем. Поэтому архивные материалы Ижорской земли (Ингерманландии) представляют огромный интерес для изучения аграрной истории России.

В России переписи проводились в среднем раз в 20 лет; например, в Олонецком уезде за XVII в. было всего 4 переписи, 4 раза составлялись переписные книги.²⁹ В Ижорской земле и Корельском уезде — в небольшой части северо-западной России — с 1630-х годов земельные переписи в разных формах проводились каждый год. Это единственный кусок России, для которого мы имеем переписные книги за каждый или почти за каждый год XVII в. Ни одна русская область не имеет таких поразительных возможностей для детального изучения процесса социально-экономического развития в XVII в. Здесь можно год за годом исследовать развитие всех отраслей сельского хозяйства, социальных отношений, феодальной эксплуатации крестьянства, демографические процессы, географию населения (расселение, национальный состав и его изменения, рост и упадок отдельных населенных пунктов). Имеются сведения почти за каждый год для каждой деревни, за многие годы — для каждого крестьянского двора, для каждой крестьянской семьи.

Попробую дать вкратце характеристику основных видов источников фонда Ижорской земли и Корельского уезда.

В финляндском архиве этот фонд содержит книги за время с 1634 по 1699 г. и еще 4 книги с 1705 по 1709 г. по Кексгольмскому уезду. Конечная дата понятна: 1700 г. — начало Северной войны, осада Нарвы, начало военных действий в Ижорской земле,

в Корельском уезде — Микита Калитин (было 100 обоев), Мурат Пересветов (98 обоев), Михаил Клементьев, Василий Жобитовск, Федор Лухменов, Иван Пезунов и Simeon Himmitoff (Хомутон); см.: *A l m q v i s t I. Den civila. . . 11 delen.* — *Id: Meddelanden från Svenska riksarkivet. Ny följd. 11: 6, 1919—1922, в. 674, 679.* Эти сведения подтверждаются и данными опубликованных шведских книг Ижорской земли 1618—1623 гг., хотя по несомненно широчайшему предположению А. А. Куника там русское землевладение почему-то отражено незначительно; в помещичьем в данном издании (отд. 2, с. 222—223) указаны имен помещиков и арендаторов, кроме названных Аляминистом, упоминаются еще русские землевладельцы Ахонсой Габин, Ждан (Sdan) Пасонин, Степан Рысков (Рысков?), Иван (Iffuan) Верин.

²⁸ *A l m q v i s t I. Den civila. . . 11 delen, в. 669—670, 675, 670—681, 684—686; Ö b l a n d e r S. Bidrag. . ., s. 156.*

²⁹ И т о в М. В. Историко-географические очерки Заонечья XVI—XVII вв. М., 1962, с. 27—28.

когда шведский чиновничий аппарат уже был парализован. В Кекегольмский уезд война пришла только в 1710 г., поэтому последняя книга³⁰ доведена до 1709 г.

Всего фонд охватывает 66 лет, в фонде 159 книг; каждая книга включает документацию за один год, изредка — за 2—3 года. На каждый год в среднем приходится по 2—3 книги.³¹ Все эти книги составлялись шведскими чиновниками главным образом с фискальными целями.

Есть несколько типов книг, причем эти разновидности в значительной мере условны, составители не очень четко сами их различали. Все типы книг данного фонда делятся на 3 группы: книги учета повинностей, книги составного содержания и книги государственного хозяйства.

На первой группе доля самая важная разновидность — поземельные книги (*Jordböcker*). Общее число поземельных книг,³² сохранившихся в рассматриваемом фонде, 35 (см. Приложение, I).³³ Если к этой цифре добавить оставшиеся в Стокгольме поземельную книгу Ингерманландии за 1618—1623 гг. (изданную А. А. Кушиком) и поземельные книги Кекегольмского уезда за 1637 и 1643 гг.,³⁴ то получится всего 38 книг, охватывающих 40 лет XVII в. Если еще учесть, что за вычетом книги 1618—1623 гг. фонд охватывает всего 66 лет и из них для 34 лет сохранились поземельные книги, то есть все основания полагать, что такие книги (по крайней мере с 1637 г.) составлялись ежегодно³⁵ и что книги за отсутствующие годы существовали, но не дошли до наших дней.³⁶ При этом из Приложения, I видно, что сначала — до середины 1640-х годов — поземельные книги готовились отдельно по Ингерманландии и по Кекегольмскому уезду, а с середины 1640-х годов стали составляться общие книги для обеих территорий.

Образцом поземельных книг для русского читателя могут служить «Повинные книги Ижорской земли» 1618—1623 гг., издаваемые

³⁰ *Kexholmns läns Landsbok* (Государственный архив Финляндии, № 9797) охватывает 1705—1709 гг., последняя запись сделана 28 сентября 1709 г.

³¹ Иногда на год приходится по 4 (в 14 случаях) и даже по 5 (в 3 случаях) книг.

³² Подсчеты числа отдельных типов книг при подготовке настоящей статьи (по сравнению с нашей статьей, цитируемой в прим. 4) подвергались некоторым уточнениям.

³³ В это число включены 2 поземельные книги, находившиеся в составе (т. е. переплетенных внутри) более крупных «Областных книг» 1652—1654 гг.

³⁴ См.: К и н ю К. *Taka-Karjalain verotus...*, s. 207.

³⁵ Иногда книги за каждый год с 1637 по 1643 г., с 1645 по 1649 г., с 1651 по 1654 г., с 1684 по 1699 г. Мишине С. С. Гадницкого (Шведские повинные книги... с. 239—240) и Э. Берендеса (Государственное хозяйство Швеции, ч. 1. СПб., 1890, с. 193—194), основанные на устаревшей научной литературе XIX в. о том, что поземельные переписи в Шведском государстве в XVII в. проводились через каждые 6 или 10 лет, оказываются ошибочными.

³⁶ Поземельные книги за эти годы находились в той части архива Ингерманландия и Кекегольмского уезда, которая осталась после 1703 г. в Нарве и не сохранилась до наших дней (см. прим. 12).

А. А. Куником. Все остальные поземельные книги, сохранившиеся в рассматриваемом фонде, составлены аналогично или с некоторыми отклонениями от опубликованной книги.

На основе публикации Купика С. С. Гадалицкий продел общий источниковедческий анализ данного источника.²⁷ Хотя автор имел перед собой только одну книгу (и не знал о существовании нескольких десятков подобных же книг), он сделал ряд важных общих наблюдений, которые с известными коррективами могут быть распространены и на весь этот тип источников.

В каждой поземельной книге материал излагается в соответствии с административно-территориальным делением, сложившимся на протяжении предшествующих столетий пребывания данной территории под русской властью²⁸ и сохранившимся в точности всего XVII в., пока Ижорская земля и Корельский уезд находились во владении Швеции; на протяжении всего XVII в. продолжало существовать (в прежних границах) старое русское деление Ижорской земли на уезды, уездов — на погосты. Материал в поземельных книгах приводится по уездам, в рамках уездов — по погостам, в рамках погостов — по деревням, селам, пустошам.

Главное, сразу бросающееся в глаза отличие шведских книг от русских писцовых книг: русские писцы излагали материал сплошным текстом, помещая все цифры внутри самого текста, тогда как в шведских поземельных книгах материал дается в форме таблиц, на листах развернутой книги. На листе с левой стороны приводятся попарно имена и фамилии крестьян с указанием всех взрослых мужчин и каждом дворе (иногда указывается и число лошадей и коров); на листе, находящемся с правой стороны, — несколько граф с обозначением размеров повинностей (сколько должно быть выскано денег, рясн, ячменя, овса, льна, конопли и т. д.). Отдельно указываются бобыли, их повинности.

Отметим здесь же, что и во всех остальных разновидностях книг учета повинностей материал приводится в форме таблиц. В самой ранней поземельной книге (и изданной Куником книге 1618—1623 гг.) в одном месте есть прямое указание на то, что шведские писцы пользовались более ранними русскими материалами, очевидно, какой-то русской писцовой книгой Водской пятны.²⁹ Видимо, отсюда были заимствованы сведения о погостах,

²⁷ Г а д а л и ц к и й С. С. Шведские писцовые книги, с. 237, 240—255.

²⁸ Главным образом со времени ликвидации Новгородской республики и вхождения ее территории в состав Русского государства, когда установилось деление ближних новгородских земель на уезды.

²⁹ Писцовые книги Ижорской земли. Отдел 1, с. 45. — С. С. Гадалицкий пытался установить, какого года русской писцовой книгой воспользовались шведские писцы, но безрезультатно. В Новгородском фонде Стокгольмского архива сохранился список писцовой книги Водской пятны 1500 г. с пометками на шведском языке (т. е. она явно побывала в руках шведских писцов), но ее сведения отличаются от сведений шведской писцовой книги 1618—1623 гг. (Г о д з я ц к и й С. С. Шведские писцовые книги. . . с. 237—230).

деревнях, крестьянских дворах и о повинностях, которые полагалось платить ранее, под русской властью.

Есть менее подробные поземельные книги, содержащие только названия деревень и размер повинностей с каждой деревни (расчет ведется в обжах). В поземельных книгах приводятся сведения только о сельской местности, иногда о русском населении городских посадов (например, Орешика (Поттебурга)); видимо, русское посадское население по обложению было приравнено к крестьянам, хотя платило не натурой, а деньгами. О шведско-немецком населении Парвы и Иненшанца в поземельных книгах сведений не сообщалось. Для примера приводим данные поземельной книги 1645 г. о посадском населении Орешика (посад, т. е. неукрепленная часть города, назван *Nothelohgs Hakelwerke* (придмесье Поттебург)) (сирова указана сумма уплачиваемой подати в далерах и эре):⁴⁰

	D[aler]	öre		D[aler]	öre
Priska Grigorioff	2	1	Ivan Palatnikof		24 ¹ / ₂
Ivan Fedorof	3	12 ¹ / ₂	Emelian Semonof	1	1 ¹ / ₂
Kyrtian Sawin	2	17 ¹ / ₄	Mifsa Krafsawin	4	18 ¹ / ₂
Andrea Olexiof	4	18 ¹ / ₄			
Ivan Stefanof	3	17 ³ / ₄	Homan Fedorof	2	25 ¹ / ₂
Fusin Kwsutlof	8	4	Ilexi Moisiuf	3	5 ¹ / ₂
Gregori Ivanof	4	18 ¹ / ₄	Senka Conratson	1	1 ¹ / ₂
Bogran	3	1 ¹ / ₂			
Ivan Musatof	2	17 ¹ / ₂	Tereati Moisiuf		28 ¹ / ₄
Tinonasa Kuruitzin	2	2	Conrath Fedorof		21 ¹ / ₂
Ivan Wasiliof	1	8	Bogran Mandrigen	3	1 ¹ / ₂
Christoru Galdia	1	1 ¹ / ₂	Orfscenij Stefanof	1	24 ³ / ₄
Luka Felisathof	1	12 ¹ / ₂	Mifsa Fedorof	3	17 ³ / ₄
Jephim Michailof	2	1	Olexy Lariwanof	2	17 ³ / ₄
Wassa Kurmitzin	1	9	Kusall Fedorof	1	4 ¹ / ₂

70 D[alern]

Поземельные книги охватывают частновладельческие и государственные (коронные) земли и позволяют проследить развитие частного феодального землевладения, характер, размеры и изменение размеров феодальных повинностей за значительную часть XVII в. Многочисленные сведения о натуральных повинностях (о величине оброка, собиравшегося в натуральной форме) дают ценные и весьма подробные материалы для изучения экономического развития края.

Очень важны содержащиеся в поземельных книгах сведения по этнической истории Ингерманландии и Кексгольмского уезда.

⁴⁰ Государственный архив Финляндии, № 9662, л. 67 об. — 68. — Для сравнения отметим, что, если в шведском тексте указано 28 имен, из них 27 русских, в поземельной книге 1639 г. (там же, № 9648, л. 102 об. — 103) указано 31 имя, все — русские, в поземельной книге 1651 г. (там же, № 9681, л. 220) — 29 имен, из них только 22 русских, 7 — немецких или шведских.

Принадлежащие и большинство книг для каждой дорепит все имена крестьян позволяют год за годом проследить изменение этнического состава населения, выявленное социальными и политическими причинами. Правда, изучение этого процесса не так просто, как казалось С. С. Гудзицкому,⁴¹ ибо все коренное население края (и русские, и подь, и ижора, и карелы), несмотря на этнические различия, было православным, носило одинаковые русские имена. Но в XVII в. часть исконного русского, ижорского, водского населения Ингерманландии, карельского населения Кексгольмского уезда, не желая жить под гнетом шведских феодалов и феодального государства, стала покидать родные места и переселяться внутрь России; на опустевшие земли шведские власти стали переселять финских крестьян из давно подвластной Шведам Финляндии.⁴² Путем сравнительного изучения поземельных книг можно проследить, как в одной и той же деревне на протяжении десятилетий уменьшается число русских имен (имен православных коренных жителей) и растет число финских имен — имен крестьян-переселенцев.⁴³ Исследование этого процесса для всего края и целом весьма трудоемко, но оно может показать, как изменялся этнический состав населения каждого из уездов на всех этапах XVII в. Не предвзято итогов такого исследования, отметим лишь, что и в конце XVII в., по данным поземельных книг, значительная часть жителей Ижорской земли продолжала носить русские имена, т. е. принадлежала к коренному населению края.⁴⁴

⁴¹ С. С. Гудзицкий (Шведские шведские книги... с. 262) ошибочно считал, что по основным имен можно различать русских, ижорцев и подь.

⁴² На этих финских переселенцев XVII в., оставшихся жить на новых местах расселения и после воцарения края под власть России в 1703 г., составился жилищная до нашего времени на территории бывшей Ингерманландии группа финского крестьянского населения, называвшаяся «ингерманландскими финны».

⁴³ В частности, подобное изучение поземельных книг Кексгольмского уезда дает возможность проследить переселение карел из своей основной и основной территории в Россию — переселение, называвшее патристическим подвигом карельского народа в XVII в. (см.: Ж е р б и н А. С. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск, 1956; см. также: S u l o b a i m o V. Muuttoliikkeet Pohjois Karjalassa 1600-luvulla. Joensuu, 1974). Среди православных имен финскими именами в основном прослеживается в южной части Кексгольмского уезда. В северной части уезда этот процесс по поземельным книгам проследимается меньше, там карелы в основном остались и живут до сих пор (много — в Восточной Финляндии).

⁴⁴ По данным ревизии (переписи податного населения) Ингерманландии 1732 г., проведенной через 3 десятилетия после воцарения края в состав России, в Ингерманландии было зафиксировано 2099 душ мужского и 2884 души женского пола крестьян — староосидов русских, которых деды и отцы в Ингерманландии знали до шведского владения, 7459 душ м. п. и 7052 души ж. п. — староосидов ижорских, т. е. более 10 тыс. душ м. п. и 10 тыс. душ ж. п., оставшихся здесь со времен, когда Ижорская земля была русским краем (Т р о и ц к и й С. М. О некоторых источниках по истории землеустройства в Ингерманландии в первой половине XVIII в. — В кн.: Историко-этнографические проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970, с. 119). Эти цифры во полностью отражают положение, существовавшее

От поземельных книг мало отличаются ваксенбухи (их 3, только от 1630-х годов),⁴⁵ их название заимствовано из Лифляндии и Эстляндии. Там это — книги с записью повинностей. В Ингерманландии ваксенбухи имеют практически то же содержание, что и поземельные книги (таблицы с поименными перечнями крестьян).

Из Эстляндии и Лифляндии заимствованы также книги мелочной подати (*Qvartuls Räkningar*), не учитывающие (и отличающиеся от поземельных книг) других видов повинностей.⁴⁶ Их 6 — только от 1640-х годов. Они по своей структуре сходны с поземельными книгами, в них включены все уезды, погосты, деревни, поименные перечни крестьян в каждой семье.⁴⁷ Подать платилась на мельницах натурой с количества хлеба на помол хлеба.⁴⁸

Сходный по содержанию характер имеют книги, последние название «Специальные счета» (*Special räkningar*). Их всего 4 — от конца 30-х и начала 40-х годов XVII в. (см. Приложение, IX).

В поземельных книгах и ваксенбухах сохранились интересные сведения о территории, на которой теперь расположен Ленинград. В этих книгах упомянуты Васильев остров или *Hirfwisari* (Ложий), Фомиин остров или *Koivusari* (Березовый — Петроградская сторона), *Jenissari* (Заячий остров), в некоторых книгах — *Kivvisari* (Каменный остров),⁴⁹ *Kärvisari* (ныне Антекарский остров);⁵⁰ в книгах подробно зафиксированы все селения, стоявшие близ устья Цены,⁵¹ во многих книгах дается поименное перечисление

в конце периода шведской власти, так как в 1702—1703 гг. Ингерманландия пострадала от военных действий, а с 1703 г. часть русского и шведского населения оказалась на территории Петербурга или могла переселиться (добровольно или в принудительном порядке) в этот город.

⁴⁵ В число ваксенбухов входит самый ранний книга данного фонда — ваксенбух Ингерманландии 1634 г. (Государственный архив Финляндии, № 9841).

⁴⁶ Повинности в Ингерманландской губернии таких книг учета повинностей, как ваксенбухи и книги мелочной подати, типичных для прибалтийско-шляхетского феодализма Эстляндии и Лифляндии, явно были вызваны тем, что административным центром губернии была Царь, до начала XVII в. входившая в состав Эстляндии и использовавшая опыт местного немецкого делопроизводства. Оба типа книг в Ингерманландии не удержались, были скоро заменены шведскими формами учета повинностей.

⁴⁷ В этих книгах учитывались не только мужчины, но и женщины; в таблицах было 2 графы — *man* и *qvinnan*. Цифры подати указывались итоговые — число персон для каждой семьи, сумма подати для каждой деревни или имения.

⁴⁸ См.: П и р и м я н Х. А. Государственное хозяйство Швеции в Прибалтике в XVII в. Тарту, 1974, с. 19.

⁴⁹ От финского и шведского *hivvi* — лось, *koivu* — береза, *jeni* — лужа, *kivi* — камень, *sari* — остров.

⁵⁰ Прежние название острова — Корниеспари (от *korpi* — дремучий лес, глушь) — сохранялось до сих пор в названии реки Карповки, отделяющей этот остров от Петроградской стороны.

⁵¹ Названия селений и названия островов в книгах, как правило, совпадают; так, обычно упоминаются *Wasilii ostrof*, *Fomin ostrof* (*Koivusari*), но на последнем острове отдельно упоминают *Koivusari gard* — именно (или по-шведски *Vjörkenholm hoff* — двор, имение на Березовом острове); в некоторых книгах упоминаются отдельно на маленьком Заячьем острове

всех жителей селений — русских, ижорских, финских крестьян, живших в XVII в. на месте современного Лепинграда.⁶² Разумеется, главное внимание уделяется феодальным владениям, собираемой ренте.

Особая группа материалов фонда — книги составного содержания, включающие разные виды документации. Это Verifications böcker (буки. «Подтвердительные книги») и Afkortningz böcker (буки. «Книги уменьшений»). Некоторые из них толщиной в 1/2 м имеют более 2 тыс. страниц.

«Подтвердительные книги» содержали всевозможную документацию, подтверждающую произведенные государством расходы и полученные доходы; «книги уменьшений» — документы, удостоверяющие происшедшее в каждом конкретном случае уменьшение государственных доходов и расходов;⁶³ некоторые из этих книг носят одновременно оба названия, т. е. включают документацию, типичную и для одного, и для другого вида книг. «Книг уменьшений» сохранилось 26, «подтвердительных» (верификационных) — 7, воедино сразу оба названия — 20, всего 53 книги⁶⁴ (см. Приложение, IV).

В этих книгах содержатся и ведомости повинностей по дворянским имениям с перечнем деревень и дворов и даже числа мужчин и женщин в каждом дворе, и документы о дворянском землевладении, в том числе грамоты короля или временного прави-

---

Janiškari holmen (остров), видно имень (помещичий двор?) и Janiškari by — деревня. На левом берегу Нены обычно упоминаются деревни Ussadiska (Усадиска) и Pervusina (Первусина, находилась в районе нынешнего Летнего сада). В окрестностях устья Нены в перечне семи принадлежащих королю рыбных ловель (Stornones Fiskele) упоминается Systerbäck (Сестроредц), где рыбные ловцы должны уплачивать казне повинности в 6.24 далера (Государственный архив Финляндии, № 1072, л. 142).

⁶² Там, в покенбухе Нотебургского (Ореховского) уезда за 1637 г. перечисляются крестьяне, живущие на Васильевском острове («Watzilioff Ostroff eller Hirsulsaia»): Abramko Pauloff, Omelianko Mikiforof, Danilko Grigorioloff, Andreiko Pavloff, Ovdokimko Mikitin, Davidko Stepanoff, bob. Märten Ivanoff, Matti Wikolainen и прочие, т. е. 6 русских крестьян, русский же бабыль Мартын Иванов и много пришедший (недавно поселившийся здесь) финский крестьянин Матти Висолайнен; они все вместе должны платить 34 далера денежных повинностей и определенное количество ржи, ячменя, овса (Государственный архив Финляндии, № 1064, л. 46 об.). В том же покенбухе дается сведение о русском селе Спасском, находившемся на левом берегу Нены, немного южнее современного Смольного (Sprackoje Kyrkieby, т. е. Спасское церковное село; церковь села Спасского обслуживала русское население левого берега, на правом берегу Нены, Пивенлянда, а также русских и ижорских жителей деревень, находившихся близ устья Нены). В Спасском в 1637 г. жили 2 крестьянина — Ustimko Watzilioff и Silantko Ignatioloff. Руßа Попомар (русский попомар, имя неразборчиво), Руßа Priester (русский священник) Иван Геронтиоф, Blak Dypedti Ivanof (там же, л. 45 об.); в таблице против имен жителей церковного села не представлены цифры с указанием размера повинностей, что означает, что все жители села повинностями не облагались.

⁶³ Подобное объяснение названий книг дал нам Х. А. Пирримэ.

⁶⁴ 36 — для Ингерманландии и Кексгольмского уезда, 23 — только для Ингерманландии.

тельства о пожаловании и о подтверждении владельческих прав, и акты о продаже и наследовании имений и отдельных земельных участков, и многочисленная переписка по вопросам землеустройства, налогов, повинностей, и документация по административным и финансовым вопросам, и сведения о повинностях горожан, и финансовые документы о содержании административного аппарата и воинских гарнизонов, и т.д.

Но в тексте данной группы книг имеется значительный материал, аналогичный материалу поземельных книг (только и последних — поземельные переписи в чистом виде, здесь — вместе с другой документацией).

Отдельную разновидность составляют книги чисто финансового содержания — книги шведского государственного хозяйства и Нидерландии (58 книг). У них разные названия: Hufwidbook («Главная книга», их — 8), Landbok («Областная книга», их — 28), Åreshok («Годичная книга», их — 2, от начала 1650-х годов). В большинстве случаев они выглядят как бухгалтерские книги, содержат с левой стороны дебит, с правой — кредит (так и обозначено наверху каждой страницы). Эти книги составлены по всем правилам сохранившейся до сих пор традиционной бухгалтерии.⁵⁵

Дебит составляли государственные доходы, получавшиеся шведскими властями в Нидерландской губернии и в Бексегольмском уезде: доходы от таможенных пошлин, налогов, повинностей, казенных кабаков (именовавшихся по русски — *cabacker*), от коронных имений и т.д.⁵⁶ Кредит составляли государственные расходы: на оплату административного аппарата губернии, уездов, городов, на содержание гарнизонов, крепостей, школ, духовенства и т.д. Дебит и кредит тщательно подсчитывались, итог делался на каждой странице и в конце книги, с точностью до 1 эре (мелкая монета). Так, например, в итоге всех расчетов за 1663 г.⁵⁷ сумма годовых доходов по Нидерландской губернии составила 415 тысяч 12 далеров.

За некоторые годы имеются финансовые книги с неполными данными, содержащие только *credit* — книги государственных расходов (*General Government's bok*; их сохранилось 20).

⁵⁵ Так же бухгалтерские книги составляются и в наши дни.

⁵⁶ Составлял «Областной книге» Нидерландской губернии 1663 г., и число доходных статей Шведского государства были главным шведским налог востания; сбор, взимаемый с дворянства (*Adelns bewijade Contribution*); налог, взимаемый с городов (*Städernas contributioner*); доход от государственных кабаков (*Cronones cabacker*); доход от государственных рыбных ловель (*Cronones fiskerier*); мельничная подать (*Qvartullis penningar*); доходы от земельных владений короля (*Cronones Englar*); прибыль от казенных мельниц (*Cronones Qvagnar*); подать, взимаемая с цехов (*Backingspenningerne*); экстраординарные сборы, проводимые в особых случаях (*Extraordinarie Urbörder*); акциз, собираемый в Нарве; поштатия (лиценз), взимаемый с товаров в Нарве и Швецианце и др. (Государственный архив Финляндии, № 9763, 1663 г.).

⁵⁷ Там же.

Книги государственного хозяйства дают исчерпывающие сведения о структуре шведской губернской и уездной администрации, о составе и численности чиновников, о размерах и составе воинских гарнизонов, о стоимости содержания и ремонта крепостей. В частности, любопытны данные о шведском городе на Неве — Ниеншанце, стоявшем в устье Охты, на территории, где с начала XVIII в. стал строиться Петербург, подробные сведения о штате и жаловании всех городских служащих с 1634 по 1700 г.⁵⁸

Таковы и общие черты главные особенности самого важного для нашей отечественной истории XVII в. фонда, имеющегося в финляндском архиве. Фонд дает исключительно богатые возможности для изучения аграрной истории, содержит очень много цифрового материала, допускающего применение математических методов исследования.⁵⁹

Материалы по истории Ингерманландии и Кексгольмского уезда находятся и в фонде Абовского надворного суда (гофгерихта). Так, и сохранившиеся от 1634—1700 гг. протоколах магистрата города Нарвы, ставшего в конце XVII в. наиболее крупным центром русской балтийской торговли, должны находиться материалы

⁵⁸ По данным Годовой книги (Ingermanlands Årssbok) 1650 г. (Государственный архив Финляндии, № 9879, л. 313—318, 330), штат государственных служащих Ниеншанца составляли бургомистр, камерерий (= казначей), провиантмейстер, два священника (шведский и немецкий), ректор и учителя школы, судебный пристав, русский переводчик (для сношения шведских чиновников с местным — русским и ижорским — населением), почтмейстер с двумя служителями, цирюльник (1), посыльный, кузнец, два стекольщика и факельщик (изготавливавший факелы для освещения улиц). Упоминается и некоторое духовенство (svensk prästerne med sine dia-koner — русские священники со своими дячками, шведской писец спутал дяком и дячков), не получавшее жалования, но и не платившее налога. Из содержания штата городских служащих Ниеншанца шла и доходы, собиравшиеся со Спасского погоста (территория обоих берегов Невы от истока до устья); в 1650 г. эти доходы составили 768 талеров.

⁵⁹ Для полноты обзора сохранившихся материалов фонда Ингерманландского генерал-губернаторства следует добавить, что часть того же фонда неожиданно обнаружилась в Москве. В предисловии к отделу I тома I Изданий книг Ижорской земли (т. VI) А. А. Куник писал, что в архиве Военно-топографического бюро Главного штаба хранятся выработанные русским правительством из Швеции в 1824 г. по условиям Инштадтского мира картографические материалы Ингерманландии и Кексгольмского уезда конца XVII в. Это сообщение Куника осталось незамеченным русскими учеными. В Центральном государственном военно-историческом архиве, хранящем фонд Военно-топографического бюро (ныне — фонд Военно-ученого архива), нам без большого труда удалось обнаружить материалы, упомянутые Куником. Это в объемистых томах, содержащих значительное число карт погостов, имений, отдельных деревень Ингерманландии и Кексгольмского уезда (ЦГАИИ, ф. ВУА, № 18346, ч. I—IV, VI—VII). Карты были составлены в 1645—1691 гг. шведскими землемерами, преимущественно для учета крестьянских повинностей. 2 тома сохранили шведские кожаные переплеты XVII в. Отдельно хранятся несколько общих карт Ингерманландии, берегов Невы, Ниеншанца (там же, ч. V). Пораительно, что за 155 лет ни один исследователь не занялся этими ценнейшими материалами, открыто хранящимися до революции в Петербурге, позднее — в Москве.

судебных дел вариских и приезжих русских купцов. В протоколах налогового суда Нарвы (с 1687 г.) и Кексгольма (с 1623 г.), в протоколах уездных судов Ивангородского и Ямского (за 1687—1702 гг.), Кошорского (за 1684—1703 гг.), Нотеборгского (Орешковского) (за 1684—1702 гг.), Кексгольмского (за 1657—1710 гг.) и в протоколах Ингерманландского губернского суда для сельской местности (за 1667—1701 гг.) должны содержаться сведения об условиях жизни, феодальной эксплуатации, национальном угнетении русского, ижорского, водского и карельского населения городов и деревень северо-западных областей России, временно оказавшихся в составе шведских владений.

Таким образом, в Государственном архиве Финляндии имеются ценнейшие и обширные по объему материалы по истории Ижорской земли (Ингерманландии) и Карельского (Кексгольмского) уезда, двух важных русских территорий, в XVII в. находившихся под властью Швеции. Эти архивные материалы, к сожалению, не изучались отечественными учеными. Назрела необходимость включить их в оборот советской науки, печатать их и использовать и для исследования аграрной истории России, и для изучения истории внешней торговли и ряда других исторических проблем.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ ДЕЛ (КНИГ) ФОНДА ИНГЕРМАНЛАНДИИ И КЕКСГОЛЬМСКОГО УЕЗДА ПО ТИПАМ ДЕЛ *

1. Наземельные книги (Jordböcker)

№ дел	№ дела	Год	Число листов	Примечание
Ингерманландия				
1	9642	1637	144	
2	9648	1639	161	
3	9650	1640	123	
4	9662	1645	233	
5	9672	1647—1649	45	
Кексгольмский уезд				
1	9640	1638	150	
2	9649	1640	149	
3	9652	1641	129	
4	9654	1642	117	
5	9676	1647—1649	444	
Ингерманландия и Кексгольмский уезд				
1	9666	1646	?	
2	9670	1647	800	

* Составлено на основании описи фонда (VI Kexholms län och Ingermanland), 1634—1708), имеющейся в Государственном архиве Финляндии. Сведения о количестве листов в каждом деле данты по этой описи.

3	9681	1651	500
4	9686	1653	362
5	9689	1654	319
6	9715	1670	643
7	9733	1678	705
8	9745	1684	410
9	9747	1685	340
10	9750	1680	331
11	9752	1687	386
12	9756	1688	368
13	9760	1680	364
14	9764	1690	346
15	9768	1691	342
16	9772	1692	342
17	9776	1693	340
18	9780	1694	323
19	9784	1695	328
20	9788	1696	343
21	9792	1697	324
22	9794	1698	340
23	9795	1699	340

24	9687	1652—1653	23
25	9690	1654	15

} Входит в состав
«Местной книги»
(Landsbok) за эти
годы

II. Вагенбухн (Wagenbüchern) Ингерманландии

№ п/п	№ дела	Год	Число листов	Примечание
1	9641	1634	110	Все уезды
2	9644	1637	82	Нюмбурский уезд
3	9645	1637	141	Ньялгородский и Ко- порский уезды

III. Книги мельничной подати (Qvarntuls Räkningar) Ингерманландии

№ п/п	№ дела	Год	Число листов
1	9656	1642	326
2	9661	1644	323
3	9665	1645	283
4	9669	1646	250
5	9675	1648	266
6	9678	1649	259

IV. «Книги уменьшений» (Åfkorningzböcker) и «Подтвердительные» (верификационные) книги (Verificationsböcker) *

№ п/п	№ дела	Год	Число листов	Охват территории
«Подтвердительные книги» и «Книги уменьшений» Ингерманландии и Кексгольмского уезда				
1	9668	1646	1776	II
2	9674	1648	1300	II
3	9700	1680	1700	II+K

* Здесь и далее в примечаниях буквой «II» обозначается книга, охватывающая только Ингерманландию, буквой «K» — Кексгольмский уезд, II+K — обе территории.

№ п/п	№ дела	Год	Число листов	Охват территории
4	9702	1661	1928	II
5	9751	1686	2108	II + K
6	9754	1687	1648	II + K
7	9758	1688	1010	II + K
8	9762	1689	1265	II + K
9	9766	1690	1266	II + K
10	9770	1691	1500	II + K
11	9774	1692	1562	II + K
12	9775	1692	1174	II + K
13	9778	1693	1534	II
14	9779	1693	1254	II
15	9782	1694	1074	II + K
16	9783	1694	1256	II + K
17	9786	1695	1662	II
18	9787	1695	1213	II
19	9790	1696	1744	II + K
20	9791	1696	1130	II + K

**«Книги учета охоты» Ингерманландии
и Кексгольмского уезда**

1	9680	1650	2101	II
2	9682	1651	2133	II + K
3	9685	1652	2064	II
4	9688	1653	2087	II + K
5	9693	1656	2563	II
6	9695	1657	1878	II
7	9697	1658	851	II
8	9704	1663	1183	II
9	9706	1664	778	II
10	9708	1665	2011	II
11	9710	1666	1955	II + K
12	9714	1669	426	II
13	9718	1671	1582	II
14	9720	1672	1127	II
15	9722	1673	1153	II + K
16	9724	1674	1424	II + K
17	9727	1675	461	II + K
18	9729	1676	1368	II + K
19	9731	1677	1303	II
20	9732	1677	509	II
21	9735	1678	1526	II + K
22	9739	1681	1586	II + K
23	9741	1682	1785	II + K
24	9742	1682	323	II + K
25	9744	1683	2077	II + K
26	9749	1685	1003	II + K

**«Подтвердительные» (сертификационные) книги
Ингерманландии и Кексгольмского уезда**

1	9664	1645	517	II + K
2	9738	1680	1424	II + K
3	9755	1687	1253	II + K
4	9759	1688	1010	II + K
5	9763	1689	1280	II
6	9767	1690	1739	II
7	9771	1691	1174	II

V. «Глазные книги» (Hufwuldböcker) Ингерманландии

№ п/п	№ дела	Год	Число листов
1	9643	1637	108
2	9655	1642	47
3	9657	1643	46
4	9659	1644	311
5	9712	1668	721
6	9713	1669	771
7	9708	1707	528 *
8	9700	1708	582 *

* Судя по заголовку, эти книги охватывают поступления от таможи (али-цент) Эстляндии, Лифляндии и Ингерманландии, очевидно от портов двух губерний и Кексгольмского леза, так как Ингерманландия с 1703 г. уже не принадлежала Швеции.

VI. «Годичные книги» (Årsböcker)

Ингерманландия

№ п/п	№ дела	Год	Число листов
1	9679	1650	570
2	9683	1652	326

VII. Областные книги (Landsböcker) Ингерманландии и Кексгольмского уезда

№ п/п	№ дела	Год	Число листов	Охват территории
1	9667	1646	446	II
2	9671	1647	415	II
3	9673*	1648	228	II
4	9677	1649	256	II
5	9684	1652	852	II+K
6	9687	1652—1653	1105	II+K
7	9690	1653—1654	1069	II
8	9691	1655	1072	II
9	9692	1656	1340	II
10	9694	1657	1140	II
11	9696	1658	836	II
12	9698	1659	820	II
13	9699	1660	1000	II
14	9701	1661	834	II
15	9703	1663	876	II
16	9705	1664	778	II
17	9707	1665	705	II
18	9709	1666	578	II
19	9711	1667	635	II
20	9716	1670	772	II
21	9717	1671	907	II
22	9719	1672	796	II
23	9734	1678	901	II+K
24	9736	1679	957	II+K
25	9737	1680	935	II+K
26	9753	1687	1555	II+K
27	9785	1695	1881	II+K
28	9797	1705	573	K

(до 1709)

* К данному типу книг отнесено шведское предположительно.

VIII. Генерал-губернаторские списки
 Ингерманландии (и Кексгольмского
 уезда)

№ п/п	№ дела	Год	Число листов
1	9721	1673	786
2	9723	1674	821
3	9725	1675	763
4	9726	1676	1000
5	9728	1676	1253
6	9730	1677	1138
7	9740	1682	978
8	9743	1683	1111
9	9746	1684	1226
10	9748	1685	1186
11	9757	1688	1550
12	9761	1689	1405
13	9765	1690	1907
14	9769	1691	1773
15	9773	1692	1034
16	9777	1693	1021
17	9781	1694	2010
18	9789	1696	1911
19	9793	1697	1000
20	9796	1699	2249

IX. Книги «Специальные счета» (Special riksdagar)

№ п/п	№ дела	Год	Число листов	Охват территории
1	9647	1638	1133	II
2	9651	1640	217	II
3	9653	1641	1066	II
4	9658	1643	1756	II-IV

X. Книга записей платежей Ингерманландии
 (Betaldnings Zedler)

№ п/п	№ дела	Год	Число листов
1	9661	1644	126

Ю. А. ЛИМОНОВ

ВРЕМЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «ИСТОРИИ МОСКОВИИ»
 ДЖОНА МИЛЬТОНА

Классик английской литературы Джон Милтон, крупный политический деятель и ученый, на протяжении всей своей жизни интересовался Восточной Европой, прежде всего Москвой. Подобный интерес определялся не только его занятиями историей и географией, которыми он так увлекался в молодости, но его повседневной работой на посту «латинского секретаря» лорда-

протектора Кромвеля. Будучи фактическим главой дипломатического представительства, Мильтон осуществлял и контролировал внешнеполитические контакты республики со странами континента, в том числе и Россией. Отражением подобной заинтересованности «латинского секретаря» в политике Московии по отношению к Англии и к английской роялистской эмиграции и было создание трактата «История Московии», одного из превосходных образцов политико-дипломатических работ того времени. Но сочинение было значительным явлением и в английской историографии. На общем, сравнительно неярком фоне английской исторической литературы — по сравнению с континентальной — работа Мильтона заметно выделяется своим содержанием. Впервые в историографии Англии работа о России, кроме чисто практических данных о цене на ворвань, сибирскую пушнину, путях и маршрутах в Вологду, Архангельск, Москву, сообщала о политике, географии страны, о культуре, быте и истории русского народа. Сведения о духовной культуре — совершенно новое для английской историографии, а использование автором местных, национальных источников — русских летописей, правда опосредованно, видимо, позволяет отнести работу Мильтона к первым этапам историографии Англии нового времени.¹

Время создания работы неизвестно. Вопрос о датировке не был разрешен в современных английских и советских исследованиях, поэтому в настоящей статье сделана попытка определить дату написания трактата «История Московии».²

Работа Мильтона была издана после смерти автора, и начале 80-х гг. XVII в.,³ но она была написана задолго до публикации.

В «Предисловии», видимо произведенном специально для издания работы, автор указывает, что трактат он написал «много лет тому назад». «Предисловие» было отправлено издателю перед смертью Мильтона, последовавшей в 1674 г. Следовательно, «Московии» была написана ранее этого года. Наконец, один из исследователей сообщает: «В начале же лондонского издания помещено небольшое предисловие, из которого видно, что сочинение Мильтона о России было написано его собственной рукою, прежде,

¹ Л и м и о н Ю. А. Русские источники «Истории Московии» Джона Мильтона. — В кн.: Проблемы истории международных отношений. Л., 1972.

² Самарин Р. М. Творчество Джона Мильтона. М., 1964; Сонин М. Мильтон и Россия. — В кн.: Русско-европейские литературные связи. М.—Л., 1966, с. 284—292; Cowley B. Milton's Literary Craftsmanship, a Study of Brief History of Moscovia. New York, 1965; А л л е т т о М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII—первая четверть XVIII в. М., 1976; Л и м о н Ю. А. Русские источники. . .

³ A Brief History of Moscovia and of other lessknow Countries lying eastward of Russia as far Cathay. Gather'd from the writings of several eyewitness. By John Milton. London, 1682. — В настоящей работе использован перевод Ю. В. Толстого: Толстой Ю. В. «Московия» Джона Мильтона. М., 1875 (далее: М и л ь т о н Д. «Московия»).

нежели он ослон; следовательно, самый поздний срок, когда было окончено это сочинение, должен считаться до 1652 г.⁴

Можно ли отнести работу Мильтона к наиболее раннему периоду его творчества, т. е. к 30-м гг. XVII в.? На первый взгляд подобной датировке не противоречат некоторые особенности содержания трактата. Так, Милтон несколько раз упоминает о королях Эдуарде, Иакове I, королевах Марии и Елизавете. Возможно, что трактат был создан еще до начала английской буржуазной революции, т. е. до времени массовых и открытых антирелигиозных настроений. В то же время обращает на себя внимание следующее обстоятельство. В «Московии» нигде не упоминается Карл I, который стал королем Англии в 1625 г., после смерти Иакова I. Может быть, трактат был составлен в период царствования Иакова I, т. е. до начала правления его преемника? И автором «Московии» был не зрелый политик и известный писатель, а молодой способный студент, увлекшийся идеей создания обобщающего труда по политической географии европейских стран?⁵ Ведь известно, что, находясь в Кембриджском университете, молодой Милтон много писал. К раннему периоду его творчества относятся не только стихи и переводы, но и серьезные морально-этические, философские трактаты. Но подобное предположение должно быть категорически отвергнуто. Дело не только в том, что по своему практическому назначению, своей направленности трактат не может принадлежать семнадцатилетнему юноше. Милтон сам опровергает подобную попытку в датировке. В своем последствии он ссылается на то, что использовал несколько статей из географически-исторических сборников Перчаса.⁶ Эти сборники включали истории путешествий и дописания английских послан, посетивших «отдаленные страны», в том числе и Россию. Милтон заимствовал из них те, которые были изданы после смерти Перчаса во втором и третьем сборнике в 1626 г.⁷ Итак, без всякого сомнения, Милтон написал свой трактат после коронации Карла I, т. е. после 1625 г.

Наконец, упоминание английских королей в тексте «Московии», как ни парадоксально, не только не подтверждает лояльность автора к монархическому строю, а, наоборот, убеждает в его республиканизме. Интересно, что Милтон упоминает имена английских королей крайне редко (по сравнению со своими предшествен-

⁴ К а р н о в и ч Е. П. Краткая история Московии и других малоизвестных стран, лежащих на восток от России. — Отечественные записки, 1860, т. XXXI, отд. 1, с. 101—102.

⁵ Ряд авторов высказывали подобное предположение. См.: А л е к с е в М. П. Сибирь и известия иностранных путешественников и писателей, т. 1. Иркутск, 1932, с. 291.

⁶ М и л ь т о н Д. «Московия», с. 44.

⁷ H a k l u y t ' s Posthumus or Purchas his Pilgrimes. Containing a History of the World in sea voyages and lande travels, by Englishmen and others, London, 1625, 1626.

никами). Они появляются в тексте лишь там, где без них невозможно обойтись, например при рассказах об английских послых. Но это упоминание производится без обычной титулатуры и обязательных эпитетов «добрый», «просвещенный» и т. п. (просто «королева Елизавета», «Мария», «король Након»). Действия англичан в России преимущественно представлены не как действия короны, а как действия частных лиц (по терминологии автора) — «английских торговых людей», «наших кушцов», «наших англичан». Таким образом, инициатива и практика сношений с Россией принадлежат не столько королю, государству, сколько торговым людям, «народу». Эта деталь чрезвычайно интересна и характерна, она особенно бросается в глаза по сравнению с работами предшественников Мильтона. Подобная тенденциозность автора (всуче с его игнорированием имени Карла I в тексте сочинения) указывает, что книга написана после 1642 г., т. е. после начала войны между королем и «народом».

Привлекает внимание исторический экскурс, помещенный в книге. Этот экскурс посвящен Ивану Грозному, Федору Ивановичу, Борису Годунову, его сыну Федору, Алексею Дмитрию I, Алексею Дмитрию II, Василию Шуйскому, Михаилу Романову. Как истинный республиканец, Милтон обличает жестокость, деспотизм, пластолюбие московских царей и очень подробно рассказывает о смуте, интервенции, подчеркивая, что народ «избрал Пожарского в военачальники», хотя полководец жил в бедности, «в уединении и пренебрежении», а Кузьму Минина, «простолюдника», «мисеника, в казначействе». Даже Михаил Федорович был избран представителями народа.¹

Подобная идея «ответственности» перед народом и сам принцип выбора государя всем населением страны перекликаются с теми идеями и принципами, которые были высказаны индепендентом Мильтоном в сочинениях «Иконоборец» (1649 г.) и «Защита народов Англии» (1650—1654 гг.).

Наконец, повышенный интерес к русской смуте, к насильственной смене государей, к потере Россией территориальной целостности, к выборности главных государственных постов (военачальник, казначей и глава государства) не есть ли отражение автором современной ему английской действительности, его стремление к отысканию исторических параллелей, его попытка предугадать исход событий? В самом деле, внешняя форма событий в Англии 40—50-х гг. XVII в. во многом копировала форму событий в России начала века. В Англии идет кровавая гражданская война (1642—1648 гг.), казнит король (январь 1649 г.), территориальная целостность Соединенного королевства в опасности — Ирландия (1649—1652 гг.), Шотландия (1650—1653 гг.) поднимают ожесточенные восстания против английского государства, наконец, в Англии провозглашается республика (май 1649 г.). Именно

¹ М и л ь т о н Д. «Московия», с. 28, 29.

на этих сюжетах русской истории (смута, казни, потери территории, избирность государственных постов) автор акцентирует свое внимание и внимание своих читателей-современников. Подобный интерес как будто указывает на то, что время создания «Московии» падает на конец 40-х—начало 50-х гг. XVII в.

Определенная направленность текста «Московии» позволяет точнее датировать работу Мильтона. Так, в трактате нигде не говорится о Московской компании, о беспомыслиной торговле англичан в России. Вообще сведения о торговой политике немногочисленны в «Московии». Автор как бы специально не касается этой проблемы. Это тем более странно, что почти во всех сочинениях англичан XVI, XVII вв. торговля является основной темой. Более того, какой-то глухой намек Мильтона на чрезмерную алчность и скверность своих соотечественников, вызвавших ухудшение русско-английских отношений, находим в первом абзаце первой главы трактата: «Открытие России со стороны Северного Океана было впервые сделано изюм всех известных нам народов Англичанами и могло бы казаться подвигом почти геройским, если бы предпринятие это было вынуждено более высоким побуждением, чем чрезмерная любовь корысти и торговли».⁹ Вероятно, Мильтону в момент написания работы было уже известно об окончательном запрещении англичанам беспомыслиной торговли в России, последовавшей в результате царского указа от 1 июля 1649 г.¹⁰ Думается, что о подобном запрещении в Англии узнали уже осенью того же года, после летней навигации.¹¹ Итак, время создания работы падает на период от конца 1649 до 1652 г. включительно.¹² Возможно еще точнее датировать ее создание, связанное с политикой Англии, Кромвеля и с биографией самого Мильтона. Во

⁹ М и л ь т о н Д. «Московии», с. 29.

¹⁰ С конца 1646 г. купцы «Московской компании» должны были уплачивать торговую пошлину царю вместе с другими иностранцами. По указу от 1649 г. англичане имели право присылать ливин в Архангельск, где при торговле они были обязаны уплачивать пошлину. Таким образом, английские купцы ливиндись всех своих привилегий. Подробнее см.: М а р т е н с Ф. Россия и Англия в продолжение XVI и XVII веков. — Русская мысль, 1891, кн. 1, 2, с. 27—30; Л ю б и м е н к о И. И. Англия и Россия в XVII в. — В кн.: Английская буржуазная революция XVII в., т. II, М., 1954, с. 100—104. — Интересно, что Милтон, хотя и пользовался источниками XVI и начала XVII в., в которых отмечена свобода торговли «Московской компании» на территории России, нигде об этих фактах не упоминает. Более того, он забывает термин «Московская компания». Наконец, что очень важно, Милтон прямо указывает, что только Архангельск есть место английского торгова (М и л ь т о н Д. «Московии», с. 5). Таким образом, вне всякого сомнения, автору «Московии» были известны те ограничения начала 40-х гг. XVII в., которыми подверглась английская торговля в России.

¹¹ Во всяком случае об этом запрещении были превосходно осведомлены английские реалистские круги в Голландии уже в конце 1649 г. Лорд Коленер от имени будущего Карла II поднимал вопрос о беспомыслиной торговле во время своей поездки в Москву в мае 1650 г.

¹² В 1652 г. Милтон ослеп, ранее этого года датируется автограф «Предсказания» трактата.

времени английской буржуазной революции поэт был правительственным секретарем по иностранным делам лорда-протектора. Через Мильтона шла вся дипломатическая переписка. Автор «Московии» превосходно знал международное положение Англии. Республке в конце 40-х — начале 50-х гг. XVII в. грозила дипломатическая изоляция. Значительно ухудшились, а затем были прерваны англо-французские отношения. На грани разрыва находились англо-голландские отношения. Английские купцы не без основания упрекали Голландию за поддержку московского правительства в политике запрещения беспошлинной торговли с Россией. Были напряженные отношения Англии со странами Скандинавии. Вся континентальная монархическая Европа (за исключением, может быть, Испании) в тот период следила с глубоким недоверием и откровенной враждебностью за политикой Английской республики.¹³

После 1646 г., когда посольство Г. Дорофеева вернулось из Лондона, в Москве узнали весьма подробно о революции в Англии. Но республиканское посольство появилось в России лишь через 8 лет, в 1654 г.¹⁴ В середине же 40-х гг. стены белокаменной столицы Московии видели только представителей роялистов. На протяжении 1646—1648 гг. побывали посланники будущего короля Карла II, получившего значительные субвенции для эмигрантской армии. Некоторые из них поднимали вопрос о беспошлинной торговле англичан, но Россия оставалась непреклонной. В то же время московское правительство не скупилось на материальную помощь роялистам. Эта помощь выдвигала Россию в один ряд с главными покровителями принца Карла — с Францией и Голландией. Сношения роялистов-эмигрантов с московским правительством стали принимать характер постоянных.

В марте 1650 г. в Москву за очередной денежной помощью была послана миссия лорда Колченера.¹⁵ В июне того же года она

¹³ М а р т е с с Ф. Россия и Англия в продолжение XVI и XVII веков, с. 31.

¹⁴ Английская буржуазная революция XVII в., т. I. М., 1954, с. 266.

¹⁵ Вряд ли царь Алексей Михайлович и его окружение предполагали, что полномочный эмиссар принца Карла лишь несколько лет тому назад принадлежал к группе «бузотвориков и смутьянов», к членам «Долгого парламента», положившего своими действиями начало английской революции. Талантливый публицист и беспринципный политик, Джон Колчонер начал свою карьеру как убежденный противник абсолютизма и защитник буржуазных свобод. В начальный период «Долгого парламента» Колчонер прославился своими резкими выступлениями против короля, в частности речью против монополизации производства предметов массового потребления. Проджи патентов на монополизацию изготовления и торговли были одной из самых доходных статей королевского бюджета и торговля свободное предпринимательство. Но уже летом 1641 г. Колчонер изменил своим единомышленникам, переметнулся на сторону монархии, стал роялистом, находился среди депутатов первого короля «Оксфордского парламента».

была принята царем Алексеем Михайловичем. Переговоры имели успех, и лорд Колленер вернулся к принцу Карлу не с пустыми руками. Кроме материальной помощи, Колленер решил приобрести и политический капитал. В конце 1650 г. в европейской прессе появился так называемый «Протест царя Алексея», направленный против республиканского правительства.¹⁶ Этот документ, составленный якобы в Москве от имени царя Алексея Михайловича, на самом деле обязан своим возникновением кругам, близким к будущему королю Карлу II, и принадлежал перу самого лорда Колленера. Цель «Протеста» заключалась в попытке пресечь какие-либо отношения России с Английской республикой и поставить правительство Кромвеля перед фактом дипломатической изоляции. Естественно, что правительство Англии в конце 40-х — начале 50-х гг. XVII в. было весьма обеспокоено создавшейся политической обстановкой. Именно в этот момент, в момент обострения русско-английских отношений, и появился трактат секретари правительства по иностранным делам Д. Мильтона «Московия», где сделана попытка в краткой форме дать всестороннее освещение страны. Сочинение, вышедшее из-под пера талантливого писателя и публициста, оказалось не только простой дипломатической справкой, пригодной лишь для повседневной работы. Трактат Мильтона выгодно отличается от сочинений его соотечественников. Кроме чисто практических сведений о правительстве, экономике страны, «Московия» содержит сведения о культуре, быте и истории Руси.

Уточнив обстоятельства возникновения работы, можно довольно точно установить время ее создания. Отсутствие сведений в «Московской компании» и беспомысленной торговле, отмененной 1 июня 1649 г., миссия лорда Колленера 1650 г. — все как будто позволяет датировать трактат 1650—1652 гг. Но это не так. Республиканскому правительству и Мильтону была хорошо известна эмигрантская фальшивка «Протест царя Алексея». Учитывая, что ни об этом документе, появившемся в конце 1650 г., ни о самом царе Алексее, о котором было информировано и правительство, а Мильтон даже составил позднее письмо «императору Алексею», нет ни слова, надо полагать, что трактат был написан ранее публикации «произведения» лорда Колленера. Следовательно, время создания работы падает на конец 1649 — первую половину 1650 г. Ее возникновение, надо полагать, было вызвано слухами о предстоящем полномочном посольстве в Москву от принца Карла во главе с Колленером. Дипломатическая активность роялистов,

---

За все свои деяния он был щедро награжден, стал доверенным советником Стюартов, получил титул графа и должность канцлера казначейства. См.: Английская буржуазная революция, т. I, с. 100, 148, 156 и др.

¹⁶ Ротт и Скотт З. И. Миссия лорда Колленера в Москву. (На истории англо-русских отношений в период английской буржуазной революции XVII в.). — В кн.: Международные связи России в XVII—XVIII вв. М., 1966, с. 90—99.

их попытки получить реальную помощь в России и были практическими причинами, побудившими республиканское правительство поручить написание подобной работы Д. Мильтону.¹⁷

М. М. САФОНОВ, Д. П. ФИЛИННОВА

ЖУРНАЛЫ НЕПРЕМЕННОГО СОВЕТА

Первое десятилетие XIX в. в истории России ознаменовалось усиленной реформаторской деятельностью внутри страны и активной внешней политикой на европейском континенте. Все эти годы так называемый Непременный совет являлся высшим законосоставительным органом России. И хотя подлинное значение Совета в различные периоды его сравнительно недолгого существования было далеко не одинаковым, все это время он оставался тем учреждением, в котором обсуждались наиболее важные правительственные мероприятия. В силу этого исследователи различных аспектов внешней и внутренней политики России того периода часто обращаются к материалам Непременного совета. Но ни в дореволюционной, ни в советской историографии нет ни одного специального исследования, в котором эти материалы были бы подвергнуты тщательному источниковедческому анализу.

Между тем некоторые существенные моменты деятельности Совета представлялись в несколько искаженном виде либо вовсе

¹⁷ Создание произведения в связи с текущим политическим моментом, в связи с потребностью внешней или внутренней политики страны было весьма характерно для Мильтона. Его талант публициста был неоднократно использован республиканским правительством и Кромвелем в борьбе с политическими противниками. Отметим лишь два наиболее характерных случая, которые относятся к интересующему нас периоду, т. е. к концу 40-х — началу 50-х гг. XVII в. Так, после вавни Карла I Мильтону были поручены ответить на контрреволюционный памфлет «*Eticoa Basilike*» («Царственный лик»), в котором восхвалялся король. Памфлет был составлен от имени Карла I, которому приписывалось авторство и самого произведения. В ответе «*Eticoa-basilica*» («Иконоборец»), опубликованном в 1649 г., Мильтон разоблачил политический и литературный подлог («Царственный лик» был составлен роялистом Годеном). Он выступил с суровой отповедью противникам республики, защищая борьбу народа против короля-тирана.

В конце 1649 г. появился антиреспубликанский памфлет «*Defensio Regia pro Carolo I*» («Защита короля Карла I»), вышедший из-под пера профессора Лейденского университета Салмалли. Это произведение было составлено по прямому поручению будущего Карла II. В ответ на этот памфлет Мильтон в 1651 г. опубликовал свой знаменитый трактат «*Joannis Milton Angli pro populo Anglicano defensio*» («Защита английского народа английским Джоном Мильтоном»); он решительно выступает против легитимизма, развивает свои тираноборческие взгляды, утверждает, что как монарх, так и простой гражданин равны перед законом. «Защита» является превосходным образцом политической публицистики Мильтона (Английская буржуазная революция XVII в., т. II, с. 190—191).